

1

1965

Искажель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

13.00 Выходим на цель
Отбиваем атаки мессершм
Помогание: ж. д. состав,
здания, склад боеприп

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Николай ВИХИРЕВ. С «Аймо» в бою . . .	3
Юрий ТАРСКИЙ. Мат «Черному королю»	24
Л. КРИВЕНКО. Солдатская сказка 1943 года	37
Глеб ГОЛУБЕВ. Огненный пояс . . .	46
Роберт ШЕКЛИ. Земля, воздух, огонь и вода	70
А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ. Тонкая нить	78
В. ЧЕРНИКОВА. Шифр времени . . .	107
Кира СОШИНСКАЯ. Подводный бык .	114
Из блокнота «Искателя»	119
Аркадий АДАМОВ. След лисицы . .	123
Владислав ЗОРИН. Зверобой	145
Гильберт Кит ЧЕСТЕРТОН. Проклятая книга	148

№ **1** (25)

1965
ПЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ПРОКЛЯТАЯ КНИГА

Рисунки С. ПРУСОВА

Профессор Опеншоу всегда шумно выходил из себя, когда кто-нибудь называл его спиритуалистом или верующим в спиритуализм. Это, однако, не исчерпывало его запаса взрывчатых веществ, ибо он выходил из себя также и в том случае, если кто-нибудь называл его неверующим в спиритуализм. Он гордился тем, что всю свою жизнь посвятил исследованию метафизических феноменов, и тем, что никогда не высказал ни одного намека по поводу того, действительно ли он считает их метафизическими или только феноменальными.

Больше всего на свете профессор любил сидеть в кругу правверных спиритуалистов и рассказывать — с уничтожающими описаниями, — как он разоблачал медиума за медиумом, раскрывал обман за обманом. Он действительно становился человеком с большими детективными способностями и интуицией,

Рассказ был напечатан в журнале «Вокруг света» № 6 за 1937 год.

как только устремлял взгляд на объект, а он всегда устремлял взгляд на медиума, как на в высшей степени подозрительный объект.

Профессор Опеншоу — худощавый человек с львиной гривой неопределенного цвета и гипнотическими голубыми глазами — стоял, беседуя с патером Брауном, своим другом, на пороге отеля, где они провели прошлую ночь и где только что позавтракали. Профессор довольно поздно возвратился после одного из своих крупных экспериментов, как всегда, раздраженный. И сейчас он все еще мысленно переживал войну, которую постоянно вел один, да к тому же против обеих сторон.

— О, я не говорю о вас, — говорил он. — Вы не верите в это даже и тогда, когда это правда. Но все остальные вечно спрашивают меня, что я пытаюсь доказать. Они, как видно, не понимают, что я человек науки. Человек науки ничего не пытается доказать. Он пытается найти то, что само себя докажет.

— Но он еще этого не нашел, — заметил патер Браун.

— Положим, у меня имеются кое-какие выводы, которые не так уж отрицательны, как думает большинство, — ответил профессор после минуты недовольного молчания. — Как бы ни было, если тут и можно что-то найти, то они ищут это «что-то» не там, где нужно. Все носит слишком театральный, слишком показной характер: их блестящая эктоплазма, трубные звуки голоса и все остальное, сделанное по образцу старых мелодрам и шаблонных исторических романов о семейном привидении! Я начинаю думать, что если бы вместо исторических романов они занялись историей, то действительно нашли бы что-нибудь... но только не привидения.

— В конце концов, — сказал патер Браун, — привидения — это только появления. Вы, кажется, говорили, что семейные привидения существуют для соблюдения приличий...

Взгляд профессора, обычно рассеянный, внезапно остановился и сосредоточился, словно перед ним стоял подозрительный медиум. У профессора был теперь вид человека, ввинтившего в глаз сильное увеличительное стекло. Не то чтобы он считал священника хоть сколько-нибудь похожим на подозрительного медиума, но его поразило, что мысли друга так тесно совпали с его собственными.

— Появления, — пробормотал он. — Как странно, что вы сказали это именно теперь! Чем больше я изучаю этот предмет, тем яснее вижу: они проигрывают оттого, что ищут одних только появлений. Вот если бы они хоть немного вдумались в исчезновения...

— Да, — сказал патер Браун, — в конце концов в настоящих волшебных сказках не так уж много говорилось о появлениях знаменитых волшебниц: пробуждение Титании или видение Оберона при лунном свете... Однако имеется бесчисленное количество легенд о людях, которые исчезли, были украдены волшебницами. Напали ли вы на след Килмени и Тома Римера?

— Я попал на след обычно-

венных современных людей, о которых вы читали в газетах, — ответил Опеншоу. — Можете смотреть на меня сколько угодно, но именно этим делом я занят сейчас. Откровенно говоря, я думаю, что многие метафизические появления вполне могут быть объяснены. Чего я не могу объяснить, так это исчезновений — в тех случаях, когда они не метафизические. Это люди в газетах, которые исчезают и которых никогда не находят, — если бы вы знали подробности, как их знаю я... И вот только сегодня утром я получил подтверждение — изумительное письмо от одного старого миссионера, вполне почтенного старика. Сегодня он придет ко мне в контору. Вы, может быть, согласитесь пообедать со мной, и я вам сообщу результаты конфиденциально.

— Благодарю вас, я приду, если только, — сказал патер Браун скромно, — если только не буду украден волшебницами.

Они расстались, и Опеншоу, завернув за угол, направился к небольшой конторе, которую он нанимал по соседству главным образом для опубликования коротких статей и заметок о метафизических и психологических явлениях, написанных в самом сухом и самом агностическом тоне. У него был только один клерк; он сидел сейчас за конторкой в передней комнате конторы, подбирая цифры и факты для газетного отчета, и профессор замедлил шаги, чтобы спросить у него, пришел ли м-р Прингль. Не переставая складывать свои цифры, клерк ответил, что нет, и профессор направился в заднюю комнату, которая служила ему кабинетом.

— Кстати, Берридж, — добавил он, не оборачиваясь, — когда придет м-р Прингль, пошлите его прямо ко мне. Можете не прерывать работу. Я хотел бы, если возможно, чтобы эти заметки были закончены сегодня вечером. Оставьте их на моей конторке, если я задержусь.

И он вошел в свой кабинет, все еще размышляя над проблемой, которую возбудило или, быть может, скорей укрепило и утвердило в нем имя Прингля. Самый уравновешенный из агностиков не лишен человеческих пристрастий, и возможно, что письмо этого миссионера имело в глазах профессора большой вес потому, что оно обещало подтвердить его личные гипотезы. Он уселся в свое широкое, удобное кресло, перед портретом Монтеня и снова перечитал краткое письмо преподобного Льюка Прингля.

Никому не были известны лучше, чем профессору Опеншоу, отличительные признаки письма неврастеника: нагромождение деталей, тончайший почерк, ненужная растянутасть и повторения. Ничего подобного в данном случае не было: короткое, деловое, напечатанное на машинке сообщение о том, что автор письма столкнулся с несколькими любопытными случаями исчезновения, а это явление как будто бы относится к области, которая интересует профессора, изучающего проблемы метафизики. Письмо произвело на профессора благоприятное впечатление; это благоприятное впечатление сохранилось у него, несмотря на легкое удивление, и тогда, когда, подняв глаза, он увидел, что преподобный Льюк Прингль находится уже в комнате.

— Ваш клерк сказал мне, чтобы я прошел прямо к вам, —

сказал м-р Прингль извиняющимся тоном, но с широкой и довольно приятной улыбкой.

Улыбка была частично скрыта зарослями рыжевато-серой бороды и бакенбард — настоящие джунгли бороды, такие вырастают иногда на лицах белых людей, живущих в джунглях! — но глаза над вздернутым носом не имели в себе ничего диковинного или чужеземного. Опеншоу моментально обратил на него сосредоточенный разоблачающий и испепеляющий взгляд скептического анализа. Нелепая борода могла принадлежать психопату, но глаза совершенно противоречили бороде; они были полны того открытого и дружеского смеха, какого вы никогда не увидите на лицах серьезных мошенников и серьезных маньяков.

По мнению профессора Опеншоу, от человека с такими глазами можно было скорее ожидать веселого скептицизма, такой человек должен был громко выкрикивать свое поверхностное, но искреннее презрение к привидениям и духам. Как бы то ни было, профессиональный плут не позволил бы себе выглядеть столь легкомысленно. Человек был застегнут до самого горла в старый потертый плащ, и ничто в его одежде не указывало на его сан: впрочем, миссионеры из пустынных местностей не всегда считают нужным одеваться, как священники.

— Вы, вероятно, думаете, профессор, что все это очередная мистификация, — сказал м-р Прингль с какой-то абстрактной веселостью. — Так или иначе, я должен рассказать мою историю кому-нибудь, кто сможет ее понять, потому что она подлинна. И, кроме того, отбросив все шутки в сторону, она не только подлинна, но и трагична. Так вот, короче говоря, я служил миссионером в Ниа-Ниа, в одной из местностей Западной Африки, в гуще лесов, где почти единственным, кроме меня, белым человеком был начальник округа капитан Вейлс. Мы с ним очень подружились. Не то чтобы он питал симпатию к миссионерству; он был, если можно так выразиться, человеком тупым во многих отношениях, одним из тех людей действия с квадратным черепом и квадратными плечами, которые едва ли считают для себя необходимым думать. Вот это и делает данный случай еще более странным. Однажды после кратковременного отсутствия он вернулся в лес, в свою палатку, и сказал, что с ним произошло очень забавное происшествие и теперь он не знает, что ему делать. В руках у него была старая книга в порывшемся кожаном переплете, и он положил ее на стол рядом со своим револьвером и старым арабским мечом, который, очевидно, хранил как редкость. Он сказал, что эта книга принадлежала одному человеку с лодки, которая только что отплыла, и что человек этот поклялся, будто никто не должен раскрывать эту книгу или заглядывать в нее, если не хочет быть унесенным дьяволом, или исчезнуть, или еще что-то в этом роде. Вейлс сказал ему, что, разумеется, все это ерунда, и они поссорились, и, кажется, в результате этот человек, уязвленный упреком в трусости и суеверии, на самом деле заглянул в книгу, моментально уронил ее, шагнул к краю лодки и...

— Одну минуточку, — сказал профессор, что-то записывавший. — Прежде чем вы продолжите свой рассказ, скажите мне

вот что: говорил этот человек Вейлсу, где он взял книгу или кому она принадлежала прежде?

— Да, — ответил Прингль, теперь совершенно серьезный, — кажется, он сказал, что везет эту книгу обратно д-ру Ханки, путешественнику по Востоку, ныне находящемуся в Англии. Ханки она принадлежала прежде, и он предупреждал относительно ее необычайных свойств. Ханки — человек способный, что и делает всю историю еще более странной. Но суть рассказа Вейлса гораздо проще. Она состоит в том, что человек, заглянувший в книгу, прямо перешагнул через борт лодки, и больше его никогда никто не видел.

— Верите ли вы этому сами? — спросил Опеншоу после паузы.

— Да, верю, — ответил Прингль. — Я верю этому по двум причинам. Во-первых, потому, что Вейлс — это человек, абсолютно лишенный воображения, а тут он добавил один штрих, который мог бы добавить только человек, обладающий большим воображением. Он сказал, что матрос перешагнул через борт в тихую и спокойную погоду, а между тем не было слышно никакого всплеска.

В течение нескольких секунд профессор молча смотрел на свои заметки, затем сказал:

— А вторая причина, по которой вы верите этому?

— Вторая причина, — ответил преподобный Льюк Прингль, — это то, что я видел своими глазами.

Снова наступило молчание, после которого он продолжал свой рассказ в той же суходеловитой манере. Каковы бы ни были его качества, в нем, во всяком случае, не было ни малейшей горячности, с которой обычно психопаты стараются убедить своего собеседника.

— Я уже сказал вам, что Вейлс положил книгу на стол рядом с мечом. Из палатки был только один выход, и случилось так, что я как раз стоял в дверях, глядя в лес, спиной к моему товарищу. Он ворчал, что это просто идиотство — в двадцатом веке бояться раскрыть книгу, спрашивая, почему бы ему самому, черт побери, не раскрыть ее. Тут какой-то инстинкт

проснулся во мне, и я сказал, что лучше ему не делать этого и вернуть книгу д-ру Ханки. «Какой вред может это принести?» — спросил он нетерпеливо. «Какой вред это уже принесло, — ответил я упрямо. — Что случилось с вашим другом на лодке?» Он не ответил. Я знал, что ему действительно нечего мне ответить. Он просто из тщеславия настаивал на своей логической правоте. «Если уж мы заговорили об этом, — сказал я, — то каково ваше объяснение тому, что практически имело место на лодке?»

Но он опять не ответил; я обернулся и увидел, что в палатке его нет.

Палатка была пуста. Книга лежала на столе, раскрытая, но переплетом вверх: как видно, он перевернул ее. Меч же лежал на земле около противоположной стены палатки, и в парусине был виден большой разрез,

словно кто-то проложил себе дорогу с помощью меча. Мне бросилась в глаза зияющая дыра в стене, но в нее виднелась лишь темная чаща леса.

С этого дня я больше никогда не видел капитана Вейлса и ничего о нем не слышал.

Я завернул книгу в коричневую бумагу, приняв всяческие предосторожности, чтобы не заглянуть в нее самому, и привез ее обратно в Англию, намереваясь вернуть д-ру Ханки. Но тут я увидел в вашей статье некоторые замечания относительно подобных вещей и решил приостановить это дело и отнести книгу вам, так как вы пользуетесь репутацией человека уравновешенного и без предрассудков.

Профессор Опеншоу положил перо и пристально посмотрел на человека, сидевшего против него, сосредоточив в этом взгляде весь свой долгий опыт общения со многими совершенно различными типами мошенников и даже с некоторыми эксцентричными и незаурядными типами честных людей. В обычном случае он начал бы со здравого предположения, что вся эта история — нагромождение

лжи. В сущности, он и сейчас был склонен считать, что это нагромождение лжи. И в то же время он никак не мог увязать этого человека с его историей. Этот человек не старался казаться честным, как это обычно делает большинство шарлатанов и плутов. Тут было что-то другое. Этот человек выглядел честным, несмотря на то, чем он казался.

— Мистер Прингль, — сказал профессор резко, словно судья, делающий неожиданный ход, чтобы уличить свидетеля, — где находится ваша книга в настоящий момент?

Улыбка снова появилась на бородатой физиономии.

— Я оставил ее за дверью, — ответил м-р Прингль, — я хочу сказать — в соседней комнате. Быть может, это рискованно, не менее рискованно, чем другое.

— Что вы хотите сказать? — спросил профессор. — Почему вы не принесли ее прямо сюда?

— Потому, что я знал, — ответил миссионер, — что вы раскроете ее, как только увидите, не выслушав моей истории. Я решил, что, выслушав ее, вы, может быть, дважды подумаете о том, стоит ли раскрывать книгу. — Затем, помолчав, он добавил: — Там не было никого, кроме вашего клерка, а он выглядел вялым, медлительным субъектом, погруженным в деловые вычисления.

Опеншоу искренно рассмеялся.

— О, Берридж! — вскричал он. — Ваши волшебные тома будут при нем в полной сохранности, могу вас уверить. Берридж — это настоящая машина для вычисления. Он менее способен разворачивать чужие пакеты, завернутые в коричневую бумагу, чем всякое другое человеческое существо, если только можно назвать его человеческим существом.

Они вместе перешли из внутренней комнаты в контору, и, как только они вошли туда, м-р Прингль с криком подбежал к конторке клерка, ибо конторка клерка была на месте, но самого клерка не было. На конторке лежала выцветшая старая книга в кожаном переплете, без своей коричневой обертки; она была закрыта, но видно было, что кто-то недавно ее раскрывал. Конторка клерка стояла напротив широкого окна, которое выходило на улицу, и в стекле этого окна виднелась громадная неровная дыра, производившая такое впечатление, словно человеческое тело стремительно выбросилось через нее во внешний мир. Никаких других следов м-ра Берриджа не было.

Двое мужчин стояли неподвижно, словно статуи, и, наконец, профессор первый медленно вернулся к жизни. У него был еще более торжественно-беспристрастный вид, чем обычно. Медленно повернувшись к миссионеру, он протянул ему руку.

— Мистер Прингль, — сказал он, — прошу вас — простите меня! Прошу вас, простите меня за те мысли, которые у меня были; однако никто не может считать себя человеком науки, если игнорирует факт, подобный данному факту.

— Я думаю, — сказал Прингль в раздумье, — что нам следовало бы навести кое-какие справки. Не можете ли вы позвонить к нему и узнать, нет ли его дома?

— Не знаю, есть ли у него телефон, — ответил Опеншоу до-

вольно рассеянно, — он живет, кажется, где-то в районе Хампстеда, но я думаю, что кто-нибудь из его родственников или друзей пойдет за справками сюда, если заметит его отсутствие.

— Сможем ли мы дать его приметы, в случае если этого потребует полиция? — спросил м-р Прингль.

— Полиция, — повторил профессор, внезапно выведенный из своей задумчивости. — Приметы... Право, он был так ужасно похож на всех остальных, если только не считать его круглых очков. Один из таких гладко выбритых молодых людей. Но полиция... Послушайте, что же нам теперь делать с этой сумасшедшей историей?

— Я знаю, что нам надо делать, — решительно ответил преподаватель Прингль. — Я отнесу сейчас книгу прямо к этому чудаку доктору Ханки и спрошу его, что за дьявол скрывается во всем этом. Он живет не очень далеко отсюда. Я быстро вернусь и расскажу вам, что он говорил по этому поводу.

— О, это превосходно, — выговорил, наконец, профессор, видимо, довольный, что может хоть на минуту избавиться от ответственности.

Он сидел в своем кресле, когда те же быстрые шаги послышались на тротуаре перед домом и вошел миссионер, на этот раз, как это быстро отметил профессор, уже с пустыми руками.

— Доктор Ханки, — сказал Прингль внушительно, — пожелал оставить у себя книгу на один час и обдумать это дело. Он просил, чтобы мы оба зашли к нему, и тогда он сообщит нам свое решение. Он выразил желание, чтобы вы, профессор, непременно сопровождали меня во время второго визита.

Опеншоу продолжал молча смотреть в пространство, затем неожиданно спросил:

— Черт побери! Кто такой этот доктор Ханки?

— Это прозвучало у вас так, словно вы действительно считаете его самим чертом, — сказал Прингль, улыбаясь, — и, помимо, многие думали то же самое. Он завоевал свою репутацию в той же области, что и вы. Но он заслужил ее главным образом в Индии, где занимался изучением местной магии и прочего, а здесь он, быть может, и не так уж известен. Это горелый худощавый низенький человек, злой, как бес, хромой и с подозрительным характером, но в этих краях он как будто бы ведет самый обыденный и respectable образ жизни. В конце концов я не знаю о нем ничего плохого, если не считать плохим тот факт, что он единственный человек, которому, по-видимому, кое-что известно относительно всей этой дикой истории.

Профессор Опеншоу тяжело поднялся с места и подошел к телефону; он позвонил патеру Брауну. Затем он снова сел и опять погружился в глубокое раздумье.

Явившись в ресторан, где он условился пообедать с профессором Опеншоу, патер Браун некоторое время ожидал в вестибюле, полном зеркал и пальмовых деревьев в кадках. Он догадывался, что произошло какое-то неожиданное событие. Он даже на минуту усомнился, придет ли профессор вообще, и, когда профессор все-таки пришел, патеру Брауну стало ясно, что его смутные догадки оправдались. Ибо весьма странный вид — бе-

зумные глаза и даже взъерошенные волосы — был у профессора, вернувшегося вместе с мистером Принглем из экспедиции в северную часть Лондона.

Они разыскали там дом, стоявший недалеко в стороне, но неподалеку от других домов. Они обнаружили медную дощечку, на которой было точно выгравировано: «Дж. И. Ханки, д-р медицины, чл. Корол. ак. наук». Они не нашли только самого Дж. И. Ханки, д-ра медицины, члена Корол. ак. наук. Они нашли лишь то, что уже бессознательно приготовил им заговор кошмаров: мешанскую гостиную с проклятой книгой, лежавшей на столе и производившей такое впечатление, словно кто-то только что ее читал, а позади — широко распахнутую заднюю дверь и еле заметный след шагов, идущий вдоль крутой садовой тропинки, такой легкой след, что, казалось, хромым человек никогда не смог бы пробежать так легко. Но это пробежал именно хромым человек, ибо в этих немногих следах можно было разглядеть уродливый отпечаток специального сапога, затем два отпечатка одного этого сапога (словно человек подпрыгнул) и затем — ничего. Это было все, чему мог научить д-р Дж. И. Ханки. Он принял свое решение. Он разгадал тайну оракула и получил должное возмездие.

Когда профессор и Прингль вошли в отель, под пальмы, Прингль внезапно уронил книгу на маленький столик, словно она жгла ему пальцы. Священник с любопытством взглянул на нее; на переплете сверху было крупными буквами вытиснено следующее двуступище:

Кто в эту книгу посмотрел,
Тот смерть крылатую узрел.

Внизу же, как патер обнаружил несколько позже, были такие же предостережения на греческом, латинском и французском языках. Профессор и Прингль вошли в ресторан, испытывая потребность выпить чего-нибудь, вполне естественную после перенесенных волнений и усталости, и Опеншоу окликнул лакея, который принес им два коктейля.

— Надеюсь, вы пообедаете с нами, — сказал профессор миссионеру, но м-р Прингль с улыбкой покачал головой.

— Извините меня, — сказал он, — я хочу пойти куда-нибудь и сразиться с этой книгой и со всей этой историей в одиночестве. Не могу ли я воспользоваться вашей конторой на час или на два?

— Но я думаю... Я боюсь, что она заперта, — ответил Опеншоу несколько удивленно.

— Вы забываете, что там имеется дыра в стекле.

Преподобный Льюк Прингль улыбнулся самой широкой своей улыбкой и исчез во мраке улицы.

— В конце концов довольно странный субъект, — сказал профессор, нахмурившись.

Он был несколько удивлен, увидев, что патер Браун беседует с лакеем, принесшим коктейли, и, по-видимому, о самых интимных делах лакея, потому что упоминалось имя какого-то ребенка, который был уже теперь вне опасности. Он высказывал некоторое удивление по поводу этого факта, недоумевая, каким

образом мог священник познакомиться с таким человеком; но патер Браун сказал только:

— О, я ведь обедаю здесь по несколько раз в год и беседую с ним время от времени.

Сам профессор, обедавший здесь около пяти раз в неделю, подумал, что ему никогда и в голову не приходило беседовать с лакеем, но его мысли были внезапно прерваны вызовом к телефону. Голос, вызвавший его, назвал себя Принглем; это был какой-то заглушенный голос, но вполне возможно, что его заглушали все эти заросли бороды и бакенбард. Того, что он сообщил, оказалось вполне достаточно для установления тождества.

— Профессор, — сказал голос, — я больше не в состоянии выносить это. Сейчас я сам загляну в нее. Я говорю из вашей конторы, и книга лежит напротив меня. Если что-нибудь случится со мной, то это будет моим прошанием с вами. Нет. Не пытайтесь остановить меня. Все равно вы не успеете. Я раскрываю книгу. Я...

Опеншоу показалось, что он слышит отзвук какого-то содрогания, какого-то трепета, какого-то почти беззвучного падения; потом он несколько раз прокричал в трубку имя Прингля, но больше ничего не услышал. Он повесил трубку и, обретя свое великолепное академическое спокойствие отчаяния, вернулся к столу и тихо занял свое место. Затем с полнейшим хладнокровием, словно описывая провал какого-нибудь незначительного фокуса на одном из «сеансов», он рассказал священнику все подробности таинственного кошмара.

— Пять человек исчезли таким невероятным образом, — сказал он. — Каждый из этих случаев необычаен, но случай, который я просто не в состоянии переварить, это случай с моим клерком Берриджем. Он был спокойнейшим существом в мире.

— Да, — ответил патер Браун. — Как бы то ни было, а странно, что Берридж проделал такую штуку. Он был чудовищно добросовестен. Он так старался всегда отделять все дела конторы от всяких своих проделок. Ведь вряд ли кто-нибудь знал, что дома он был большим шутником и...

— Берридж! — вскричал профессор. — Разве вы знали его?

— О, нет, — ответил патер Браун небрежно, — но, как вы заметили, я знаю лакея. Мне часто приходилось ожидать в конторе вашего возвращения, и, разумеется, я проводил часть дня с беднягой Берриджем. Это был большой оригинал. Я припоминаю, как однажды он мне сказал, что хотел бы коллекционировать ничего не стоящие вещи, подобно тому как коллекционеры собирают те нелепые вещи, которые они считают ценными. Вы, наверное, помните известный рассказ о женщине, которая собирала ничего не стоящие вещи.

— Я не вполне уверен, что понимаю, о чем вы говорите, — сказал Опеншоу. — Но если даже мой клерк и был оригиналом (а я в жизни не знал ни одного человека, которого считал бы менее способным на оригинальность), это не объясняет того, что с ним случилось, и уж, конечно, не объясняет случаев с остальными.

— С какими это с остальными? — спросил священник.

Профессор взглянул на него и сказал, отчетливо выговаривая слова, словно обращаясь к ребенку:

— Дорогой патер Браун, исчезли пять человек.

— Дорогой профессор Опеншоу, ни один человек не исчез.

Патер Браун смотрел на своего собеседника не менее твердо и говорил не менее отчетливо. Тем не менее профессор потребовал повторения этих слов, и они были повторены все с той же отчетливостью.

— Я сказал, что ни один человек не исчез.

После минутного молчания священник добавил:

— Я думаю, что самое трудное — это убедить кого-нибудь в том, что $0:0=0$. Люди верят самым странным вещам, если они идут подряд. Макбет поверил трем словам трех ведьм, не смотря на то, что первое он знал сам, а последнее он мог осуществить только впоследствии. Но в вашем случае среднее слово — это самое слабое из всех.

— Что вы хотите сказать?

— Вы не видели ни одного исчезновения. Вы не видели, как исчез человек из палатки. Все это основано на словах Прингля, о личности которого мы не будем спорить с вами сейчас. Но вы можете допустить следующее; вы бы сами никогда не приняли его слов всерьез, если бы вы не увидели, что они подтвердились исчезновением вашего клерка. Так же как Макбет никогда не поверил бы в то, что он будет королем, если бы не подтвердилась его уверенность в том, что он будет Кандорским таном.

— Это, быть может, и верно, — сказал профессор, медленно кивая. — Но когда это подтвердилось, я убедился в том, что это правда. Вы сказали, что я ничего не видел сам. Но я видел. Я видел, как исчез мой клерк. Исчез Берридж.

— Берридж не исчез, — сказал патер Браун. — Наоборот.

— Какого черта вы хотите сказать этим «наоборот»?

— Я хочу сказать, — сказал патер Браун, — что он никогда не исчезал. Он появился.

Опеншоу взглянул на своего друга, но, когда он сосредоточился на новом освещении вопроса, в голове у него совсем помутилось. Священник продолжал:

— Он появился в вашем кабинете, нацепив густую рыжую бороду, напялив на себя мешковатый плащ, и выдал себя за преподобного Льюка Прингля. А вы всегда обращали на своего клерка так мало внимания, что не узнали его, когда он был в этом наспех сделанном костюме.

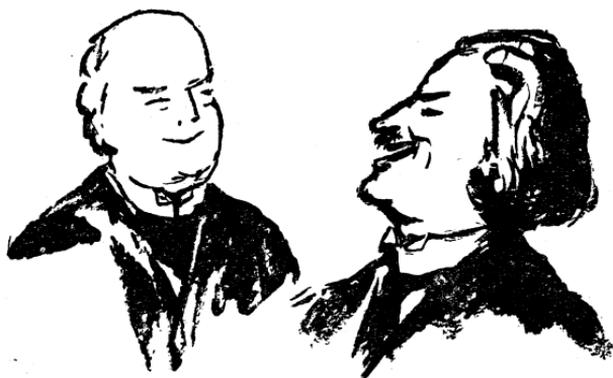
— Но право же... — начал было профессор.

— Могли ли бы вы описать его полиции? — спросил патер Браун. — Нет, не могли бы. Вы, вероятно, знали только, что он был гладко выбрит и носил цветные стекла в очках; и если бы он просто снял эти очки — это было бы лучше всякого переодевания. Вы никогда не видели его глаз, так же как и его души, — веселых, смеющихся глаз. Он положил свою нелепую книгу и всю эту бутафорию, затем спокойно разбил окно, надел бороду и плащ и вошел к вам в кабинет, зная, что вы ни разу в жизни не посмотрели на него.

— Но с какой стати он сыграл со мною такую дикую шутку? — спросил Опеншоу.

— С какой стати? Именно потому, что вы ни разу в жизни не посмотрели на него, — сказал патер Браун, и его рука

слегка согнулась и сжалась в кулак, словно он хотел ударить по столу. — Вы называли его «машиной для вычисления», потому что только с этой стороны вам и нужны были его услуги. Вы никогда не видели того, что любой случайный прохожий мог бы разглядеть в течение пятиминутного разговора: что это человек с характером; что это большой любитель древности, что у этого человека есть свои собственные взгляды на вас, и на ваши теории, и на вашу репутацию «знатока людей». Неужели же вам непонятно его стремление доказать, что вы не смогли узнать своего собственного клерка? У него забавнейшие представления о разных вещах — например, о коллекциониро-

вании бесполезных вещей. Знаете вы рассказ о женщине, купившей две бесполезнейшие вещи — медную дощечку одного старого доктора и деревянную ногу? Вот на этих-то вещах ваш изобретательный клерк и построил образ замечательного доктора Ханки, построил так же легко, как и образ несуществующего капитана Вейлса. Поместив их у себя в доме, он...

— Вы хотите сказать, что дом, где мы были за Хамстедом, это был дом, где живет сам Берридж? — спросил Опеншоу.

— А разве вы знаете его дом или хотя бы его адрес? — отпарировал священник. — Вот что, не думайте, что я отношусь без уважения к вам или к вашей работе. Вы — великий служитель истины, и вам известно, что я не могу относиться без уважения к таким вещам. Вы видели насквозь немало лжецов, когда заранее считали их таковыми. Но смотрите не только на лжецов. Смотрите, хотя бы изредка, и на честных людей вроде этого клерка.

— Где теперь Берридж? — спросил профессор после длительного молчания.

— У меня нет ни малейшего сомнения в том, что он вернулся в вашу контору, — ответил патер Браун. — Фактически он вернулся в вашу контору в тот самый момент, когда преподоб-

ный Льюк Прингль прочел страшную книгу и исчез в пространстве.

Снова наступило молчание, и затем профессор Опеншоу рассмеялся, рассмеялся как большой человек, который достаточно велик, чтобы не бояться выглядеть маленьким. Потом он отрывисто произнес:

— Пожалуй, я это заслужил, заслужил тем, что не замечал ближайших своих помощников. Но вы должны согласиться, что нагромождение событий было просто устрашающее. Неужели вы ни разу, ни на минуту не почувствовали ужаса перед этой книгой?

— Ах, перед этой книгой, — сказал патер Браун. — Я раскрыл ее сразу, как только заметил, что она здесь лежит. В ней одни только чистые страницы. Я, видите ли, не суверен.

Перевод с английского Д. ЛИВШИЦА